

ВАЖНЫЙ ВКЛАД В ОСВЕЩЕНИЕ СТАТИСТИКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОХОДА И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И СССР

Ханин Григорий Исаакович,

*доктор экономических наук, профессор,
профессор Сибирского института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6*
AuthorID (РИНЦ): 143335
SPIN-код (РИНЦ): 6196-5996
Khaning@yandex.ru

Аннотация

Анализируется книга А. Маркевича и М. Харрисона «Первая мировая война. Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 годах». Отмечено, что расчеты авторов существенно расширяют и уточняют взгляды экономистов на экономическое положение России и СССР в 1913–1928 годах. А. Маркевич и М. Харрисон оценивают динамику национального дохода и производства отдельных отраслей экономики, в том числе сферы услуг, и впервые сравнивают экономики России и СССР с другими странами в тот же период. Расчеты показывают более успешное развитие экономики России, чем других воюющих стран в годы Первой мировой войны. Кроме того, анализируется снижение доли России в мировом хозяйстве в 1928 году по сравнению с 1913 годом. Таким образом, авторы книги делают обоснованный вывод о снижении эффективности экономики СССР в 1928 году по сравнению с дореволюционным периодом. Оценки национального дохода, фонда личного потребления и населения позволили охарактеризовать экономическое развитие дореволюционной России, СССР и постсоветской России. Наконец, авторы раскрывают последствия экономических кризисов XX века в России. Опираясь на собственные расчеты и результаты других исследователей, авторы критикуют мнение о росте национального дохода в 1928 году по сравнению с 1913 годом как преувеличенное. Его значительное падение в годы Гражданской войны было вызвано как эксцессами военного коммунизма, так и разрывом внешних и внутренних экономических связей.

Ключевые слова: хозяйство дореволюционной России, экономика СССР, экономика постсоветской России, динамика национального дохода России и СССР в 1913–1928 годах.

Библиографическое описание для цитирования:

Ханин Г.П. Важный вклад в освещение статистики национального дохода и экономической истории дореволюционной России и СССР // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 2, ч. 2. – С. 247–260. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.2-247-260.

Введение

Несмотря на то что период 1913–1928 годов широко освещался в советской и постсоветской российской и зарубежной экономической литературе, в его характеристике были существенные недостатки, связанные с отсутствием или слабостью обобщающих оценок динамики национального дохода. А. Маркевич и М. Харрисон, известные своими экономическими исследованиями, поставили целью восполнить этот пробел в книге «Первая мировая война. Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 годах» [2]. Марк Харрисон, англичанин, один из лучших исследователей советской экономической истории, давно и успешно занимается анализом советской экономики, преимущественно сталинского периода. Андрей Маркевич – россиянин. Теперь они объединили свои усилия для исследования ранее малоосвещенного вопроса обобщающих оценок периода российской и советской истории. Хотя книга вышла еще в 2013 году, она по-прежнему сохраняет актуальность, хотя и не получила должной оценки в экономической литературе.

Особенности расчетов А. Маркевича и М. Харрисона

Расчеты А. Маркевича и М. Харрисона по сравнению с расчетами их предшественников характеризуются хронологической широтой. Чаще всего исследователи уделяли внимание начальному и конечному годам обозначенного в книге периода. Это объяснялось важностью сопоставления первого этапа функционирования советской экономики с последним довоенным и дореволюционным. В более ранних (1918) расчетах С.Н. Прокоповича [4] и Гэтрелла (2005) [7] отсутствовали годовые расчеты за весь период, что не позволяло охарактеризовать динамику экономики внутри периода. Таким образом, нельзя было определить, в частности, влияние изменений экономической политики в эти периоды на развитие экономики. Нетрудно понять причину этого: годовые расчеты требуют сбора огромного количества экономической информации, да еще и за период, когда ее качество по объективным и субъективным причинам находилось на крайне низком уровне. Авторы проделали огромную работу, собрав эту информацию из разнообразных источников и проведя на ее основе многочисленные и сложные расчеты. Уже только эта работа заслуживает высокой оценки. Собранный материал приведен в многочисленных приложениях, позво-

ляющих любому экономисту проверить расчеты авторов, а также охарактеризовать динамику отдельных отраслей экономики и структурные сдвиги в ней как за весь период, так и на отдельных его этапах.

Вторая особенность расчетов А. Маркевича и М. Харрисона состоит в более широком охвате отраслей экономики, в том числе отраслей сферы услуг. Для сравнения: в расчетах С.Н. Прокоповича и В.А. Гухмана (см. [2]) были представлены только важнейшие отрасли материального производства. Как раз расчет по услугам (например, по военным услугам) представляет наибольшие трудности, так как необходимые данные приходилось рассчитывать самостоятельно.

Третья особенность связана с определением погодовой динамики численности населения России в анализируемый период. Такая работа потребовалась в связи с тем, что эти данные определяют не только динамику валового национального дохода, но и динамику подушевого национального дохода. Рассматриваемый период характеризовался огромными потерями населения в военных действиях в Первой мировой и Гражданской войнах, а также потерями от голода и эпидемий в период Гражданской войны, которые намного превышали военные потери.

Авторы в ходе работы проанализировали огромное количество статистических источников, отечественной и зарубежной литературы по данному вопросу.

Высоко оценивая проделанную авторами работу, отмечу некоторые возникшие у меня вопросы, сомнения, а также выскажу пожелания в ее развитие.

Российскому читателю, воспитанному во многом на советской экономической терминологии, покажется непривычным расчет с включением сферы услуг именовать расчетом национального дохода, а не расчетом ВВП или ВНП. На это обстоятельство желательно было обратить внимание, тем более, что в дальнейшем проводится сравнение как раз с динамикой ВВП зарубежных стран.

Авторы рассчитывали и анализировали созданный национальный доход. Но не меньший интерес для характеристики экономики имеет использованный национальный доход и его структура. Это позволяет определить особенности экономической политики в отдельные периоды времени, а также ее влияние на последующее экономическое развитие. Скажем, для периода нэпа особое значение имеет доля в использованном национальном доходе фонда производственного накопления и оборонных расходов. Эта доля определяет возможности развития экономики после завершения восстановительного периода и обеспечения обороноспособности страны. Без такого расчета отказ от нэпа с экономической точки зрения объяснить невозможно.

Поскольку помимо динамики национального дохода авторы рассматривают и динамику эффективности экономики, желательно в дальнейшем рассчитать динамику трудоспособного населения и основных фондов. Расчет последнего показателя вызывает наибольшие трудности, и западными экономистами он производился только один раз за период 1928–1962 годов.

Вызывают вопросы методы определения динамики промышленной продукции. При расчетах динамики по отраслям западные экономисты взвешивали долю отдельных продуктов с помощью весов в виде цен на отдельные продукты в какой-то период времени. Авторы пошли по другому пути. Они присваивали всем продуктам одинаковый вес [2, с. 72], что упрощало расчеты. Ввиду огромного разнообразия промышленной продукции даже включение в него важнейших продуктов не гарантирует верный результат. Не отвергая этот метод, хочу высказать мнение, что в дальнейшем исследователям желательно проверить их расчеты по отдельным отраслям в неизменных ценах. За период 1913–1928 годов в целом они были сделаны Наттером.

Очевидным пробелом в работе является отсутствие учета военной промышленности, что не может не исказить динамику машиностроения и химической промышленности. Данные о развитии военной промышленности в настоящее время вполне доступны.

Есть пробелы в данных о наборе продуктов и производстве отдельных продуктов, которые сегодня также вполне доступны. Не рассматривается производство электроэнергии, которое быстро росло в период Первой мировой войны и в заключительный период нэпа. В данных за 1928 год нет информации о производстве грузовых и пассажирских вагонов [2, с. 92]. Между тем она имеется [3]. Совсем не приводятся данные о выпуске паровозов ни за 1913, ни за 1928 год, о производстве серной и азотной кислоты в 1928 году. Данные о производстве азотной кислоты в 1928 году можно найти в рассекреченных материалах военной химической промышленности. Однако отсутствие этих данных не повлияло существенно на общий результат, так как доля промышленности в 1913 году была в несколько раз ниже доли сельского хозяйства и в объеме национального дохода составляла немногим более 20 %, а доля продукции машиностроения и химической промышленности – около 25 % продукции всей промышленности.

Результаты расчетов

Наиболее общий результат расчетов авторов по всему периоду состоит в следующем. Национальный доход СССР в 1928 году составил по отношению к 1913 году 109,6 %. Этот результат заметно ниже офи-

циальной оценки (119 %), учитывавшей, однако, только материальное производство. Индекс продукции промышленности и сельского хозяйства у авторов лишь несколько ниже оценок ЦСУ [2, с. 18]. Этот результат резко отличается от приведенной авторами наиболее авторитетной среди многих экономистов оценки Ангуса Мэддисона (92 %) [2, с. 102]. К оценке Мэддисона близка наиболее вероятная оценка Пола Грегори (94 %) [2, с. 9]. При сравнении этих оценок следует иметь в виду, что, по мнению выдающегося знатока российской и советской экономики С.Н. Прокоповича, за период между 1913 и 1928 годом качество промышленных изделий в России (СССР) снизилось на 20 % [2, с. 9]. С.Н. Прокопович сделал этот вывод как раз в работе, посвященной национальному доходу СССР, вышедшей в 1934 году [4].

В советской периодике времен нэпа содержалась жесточайшая критика качества советской промышленной продукции. Причина понятна: в условиях отсутствия или слабой иностранной конкуренции из-за монополии внешней торговли необходимость в поддержании высокого качества промышленной продукции резко ослабла. Немалую роль играло и снижение квалификации инженерного, управленческого и рабочего персонала по сравнению с дореволюционным периодом. Это было характерно для всех отраслей экономики. Если в расчеты авторов внести поправку на качество продукции, которое они не учитывали, то результаты окажутся близкими к оценкам Мэддисона и Грегори.

В 1989 году я также проделал расчет динамики национального дохода за 1913–1928 годы. Для этого я дефлятировал имевшиеся оценки в текущих ценах на средневзвешенный по доле потребления и накопления в национальном доходе бюджетный индекс потребительских товаров и индекс цен на строительную продукцию. В результате получил сокращение национального дохода в 1928 году по сравнению с 1913 годом на 12–15 % [3]. Таким образом, моя оценка самая низкая и близка к оценкам Мэддисона и Грегори.

О значительном сокращении национального дохода России за 1913–1928 годы свидетельствует и показатель перевозок грузов. По трем видам транспорта (железнодорожный, морской, речной) он сократился на 12,2 % [5, с. 21]. Правда, это сокращение касается только материального производства, но его доля в этот период была в СССР преобладающей и почти не изменилась с 1913 года. Сравнение здесь касается только количества продукции.

Авторы добросовестно и уважительно изложили отличающиеся от их оценок результаты других экономистов. Мимо их внимания, однако, прошла книга Пола Грегори «До командной экономики. Экономическая история России от освобождения крестьянства до первого пятилетнего плана»,

вышедшая в 1994 году [8]. В приложении к этой книге содержится подробное обоснование расчетов автором индекса ВВП России за 1913–1928 годы. Грегори справедливо критикует советскую оценку динамики национального дохода за ошибочное определение индекса цен за 1913–1928 годы, поскольку она рассчитывалась дефлятированием национальных доходов за 1913 и 1928 годы в текущих ценах с применением ошибочного дефлятора [8, р. 157]. При этом он опирается на мнение знаменитого, как он его справедливо называет, советского экономиста и статистика Альберта Львовича Вайнштейна, высказанное в его работе «Народный доход России и СССР. История, методология, исчисления, динамика», вышедшей в 1969 году. Грегори, опираясь на данные Вайнштейна из этой работы, исследует многочисленные советские индексы цен промышленности и сельского хозяйства 1920-х годов, из которых неопровержимо следует заниженность использованного Госпланом СССР дефлятора для расчета индекса национального дохода [8, р. 159].

Использование еще более высокого индекса цен строительства добавило бы аргументов в пользу опровержения расчетов Госплана СССР. Правда, хорошо бы добавить индекс цен транспорта. Грегори обнаружил, что в контрольных цифрах Госплана СССР на 1926–1927 годы приводились гораздо более низкие оценки (с учетом официального роста за 1928 год) отставания СССР по национальному доходу, чем в следующем году, что добавляет аргументов в пользу завышенности последних [8, р. 158]. Грегори провел и покомпонентный расчет динамики чистого национального продукта по конечному использованию за 1913–1928 годы, один из вариантов которого подтвердил его первоначальную оценку, другой выявил более высокую (но значительно ниже оценки Госплана СССР). Разница определялась различием динамики личного потребления населения [8, р. 162]. Грегори находит дополнительное подтверждение своих расчетов в индексе важнейших отраслей экономики, которые либо сравнивались с уровнем 1913 года, либо были ниже этого уровня, особенно с учетом снижения качества продукции [8, р. 163, 164].

А. Маркевич и М. Харрисон проделали сравнительный анализ динамики национального дохода СССР и ряда других стран Европы за 1913–1928 годы. Из них только в трех странах из четырнадцати динамика национального дохода оказалась ниже, чем в СССР (Румыния, Болгария, Турция) [2, с. 99]. Если же учесть качество продукции, то разрыв окажется еще большим. Следовательно, доля СССР в мировой экономике снизилась.

Из расчетов Маркевича и Харрисона можно сделать важные выводы и о структурных изменениях в экономике в указанный период. Видно, что они носили незначительный характер [2, с. 18]. Единственным исключе-

нием явилось сокращение в два раза военных услуг, характерное для восстановительного периода. Таким образом, аграрно-индустриальный характер довоенной экономики России сохранился.

Выводы из расчетов

Наиболее важный вывод касается периода нэпа. Авторы пишут: «Наши данные не подтверждают мнения о том, что нэп представлял собой эффективную политику, результатом которой стало возникновение эффективных институтов, послуживших основой долгосрочного развития советской экономики» [2, с. 29]. Возражая Р. Аллену, высказавшему противоположную точку зрения, они обращают внимание на то, что «с 1925 года, несмотря на рост инвестиций, сельское хозяйство и мелкая промышленность стагнировали. Это было основным фактором, замедлившим восстановительный рост экономики, и средние доходы населения по-прежнему оставались ниже довоенного уровня» [2, с. 30].

Если учесть гораздо более низкие оценки динамики национального дохода других авторов, то сделанный ими вывод кажется еще более убедительным. Приведу в его пользу дополнительные аргументы, опирающиеся на мои расчеты использования ресурсов в этот период.

По моим расчетам, выполненным в 1989 году, производительность труда в 1928 году по сравнению с 1913 годом снизилась на 23 %, а фондоотдача – на 25 % [6, с. 251]. Осторожности требует оценка фондоотдачи по двум причинам. Во-первых, она производилась на основе динамики не всех основных фондов, а только производственных, которые, безусловно, выросли больше. Во-вторых, сама динамика производственных основных фондов, заимствованная у С.Г. Струмилина, требует уточнения и должна рассчитываться по их остаточной стоимости методом непрерывной инвентаризации.

Что касается динамики производительности труда, то она рассчитывалась как годовая. Одно только сокращение продолжительности рабочего дня до восьми часов должно было привести к ее снижению. К такому же результату приводила смена рабочих, инженеров, управленческого персонала на менее квалифицированных, так как многие квалифицированные кадры погибли в ходе Гражданской войны или эмигрировали. Указанные факторы влияют и на снижение фондоотдачи.

Для характеристики эффективности советской экономики периода нэпа и ее перспектив при сохранении этой политики большое значение имеет рентабельность экономики. При ее определении следует учитывать восстановительную стоимость основных фондов, а не балансовую, как это делалось во второй половине 1920-х годов. Между тем, по моим расчетам, она была выше балансовой в 1,5 раза [6, с. 156]. Уточненный размер впо-

следствии оказалась больше в 2 раза. Учет восстановительной стоимости основных фондов двояким образом влияет на рентабельность: увеличивает амортизацию и себестоимость и повышает стоимость основных фондов. С учетом восстановительной стоимости основных фондов рентабельность основных фондов промышленности и железнодорожного транспорта оказалась равной нулю или ниже нуля [6, с. 156]. Это означает, что обе эти важнейшие отрасли не были способны не только финансировать свое развитие, но даже платить налоги. Следует, правда, иметь в виду, что указанные данные характеризуют не только эффективность нэпа, но и результаты Первой мировой и Гражданской войн, а также социальной политики советской власти за весь период.

Остановлюсь на характеристике авторами отдельных этапов рассмотренного периода. Относительно Первой мировой войны авторы пишут: «Согласно нашим расчетам, в 1914–1916 гг. Российская империя гораздо лучше справилась с задачей мобилизации экономики, чем утверждалось в ранее опубликованных работах. Таким образом, положение России в период Первой мировой войны было не таким плохим, как принято считать» [2, с. 26]. Действительно, по их расчетам, в 1916 году национальный доход России был лишь на 7,5 % ниже дохода 1914 года [2, с. 18]. Еще больше высказанное мнение подтверждают приводимые ими данные за 1917 год, который был страшным для России и в экономическом отношении. Тем не менее падение национального дохода России в этом году оказалось меньше, чем в Германии, Франции, Австрии, Венгрии, Турции [2, с. 99]. То обстоятельство, что в период Первой мировой войны у России были огромные проблемы с обеспечением вооруженных сил военными припасами, не колеблет этого вывода, ведь за два-три года не ликвидируешь многолетнее отставание от западных стран.

Авторы совершенно правы, говоря об огромных усилиях по мобилизации как населения, так и промышленности.

Говоря о периоде Гражданской войны, авторы пишут: «Экономический спад в период революции и Гражданской войны, по нашим оценкам, был более значительным, чем это следует из предыдущих исследований. Если сравнить цифры 1917 и 1913 гг., выпуск на душу населения сократился на 20 % за четыре года. За два последующих года с 1917 по 1919 г. выпуск на душу населения упал на 50 %» [2, с. 27]. Здесь авторы проявили невнимательность. Как видно из их таблицы [2, с. 24], они говорят только о национальном доходе при производстве товаров и услуг. Падение национального дохода в сельском хозяйстве за эти два периода было примерно одинаковым. Но поскольку в национальном доходе доля сельского хозяйства была более чем в два раза меньше, чем доля товаров и услуг, общий вывод остается верным.

Говоря о причинах столь чудовищного падения, авторы упоминают только «агрессивную политику военного коммунизма» [2, с. 27]. Я бы добавил разрыв хозяйственных связей, внутренних и внешних. Страна в 1918–1919 годах была отрезана от поставок сырьевых товаров и продовольствия, а территория под контролем ее противников – от рынков сбыта. Как только хозяйственные связи внутри страны восстановились, прекратился дальнейший спад национального дохода, созданного при производстве товаров и услуг.

Тяжелейшим последствием Первой мировой и Гражданской войн авторы справедливо считают колоссальную смертность, которую они оценивают в 13 млн человек [2, с. 30]. Они отмечают, что «ключевым фактором в избыточной смертности был голод и лишь затем военные действия и массовый террор в годы Гражданской войны» [2, с. 38]. Замечу, что этих жертв могло быть намного больше, если бы не продовольственная помощь по линии Американской администрации помощи, которая спасла многие миллионы жизней жителей Советской России.

Давая общую оценку, авторы отмечают, что этот период «в рамках российской истории стал самой крупной экономической катастрофой XX века» [2, с. 43].

Долгосрочный период

Под таким заголовком авторы анализируют последующий период советской и постсоветской экономической истории, опираясь на обобщающие оценки отдельных экономистов. Этот раздел книги занимает всего лишь 6 страниц. Строго говоря, он выходит за пределы заявленной темы, но авторы, видимо, сочли необходимым ввести его в книгу, возможно, из желания дать более полную характеристику советской и постсоветской экономике, возможно, из желания познакомить российского читателя, не имеющего доступа к западной литературе, с соответствующими западными оценками. Авторы приводят данные о динамике национального дохода России на душу населения с 1885 по 2006 год. [2, с. 102–104], зачастую в погодовой разбивке, что дает возможность выявить его колебания в этот период. Оценка национального дохода за 1885–1913 годы принадлежит Грегори и взята из его знаменитой книги (см. [1]); за 1913–1928 годы – авторам; за 1900–2016 годы в международных долларах – А. Мэддисону (содержит значительные погодовые пробелы); четвертая, всего лишь за три года (1940, 1943, 1945), – Марку Харрисону. На основании этих данных авторы делают вывод, что «Первая мировая и Гражданская войны ввергли российскую экономику в самый глубокий кризис за всю более чем вековую историю современного экономического роста» [2, с. 36].

Авторы дают оценку предвоенному периоду: «После принятия в апреле 1929 г. первого пятилетнего плана начался Великий перелом. В течение этого периода потребление ограничивалось, капитал массово инвестировался в промышленность, а рабочая сила и продовольствие откачивались из сельского хозяйства. Поскольку в обоих секторах производительность падала, в первое время совокупный выпуск не рос. Этот вывод подтверждается данными о неизменном душевом производстве в 1930–1932 гг. Борьба за контроль над распределением продовольствия привела к тотальному изъятию зерна у крестьянства, к голоду на Украине, в Поволжье, на Северном Кавказе и в Казахстане. Голод начала 1930-х гг. привел к преждевременной смерти 5,5–6,5 млн человек» [2, с. 105]. Рост душевого национального дохода возобновился в 1933 году и продолжался вплоть до 1938 года. В связи с этим авторы замечают, что «к 1937 году экономика вернулась к тренду, имевшему место до 1913 года» [2, с. 40]. Здесь они допускают некоторую неточность. По расчетам Пола Грегори, за 1885–1913 годы среднегодовые темпы роста национального дохода в России составили 3,4 % [6]. Между тем, по моим расчетам, в 1950-х годах в СССР они были значительно выше. На указанный темп они вышли лишь в 1960–1970-е годы.

Авторы отмечают, что 1939–1940 годы были годами застоя, справедливо связывая это с последствиями Большого террора.

Годы войны, естественно, привели к значительному падению душевого национального дохода [2, с. 103]. Загадкой кажется, что душевой национальный доход в 1945 году оказался ниже национального дохода 1943 года, несмотря на начавшийся в 1943 году восстановительный период. Скорее всего, наложились два фактора: неурожай 1945 года и более низкий уровень экономического развития освобожденных в 1944 году районов СССР.

По расчетам Мэддисона, приводимым авторами, довоенный уровень душевого национального дохода был достигнут в 1947 году и с тех пор довольно быстро рос вплоть до середины 1970-х годов. Остановка роста была в 1951, 1953, 1959, 1963, 1969, 1972, 1975 годах [2, с. 104]. Очевидно, она была связана с неурожаями. Бросается в глаза заметный спад абсолютного (и тем более относительного) прироста душевого национального дохода в 1960–1965 годах по сравнению с 1955–1960 годами. Наконец, 1980-е годы характеризуются либо очень медленным ростом, либо спадом, перешедшим в 1990 году в полный застой, который продолжался до 1998 года и сменился довольно быстрым подъемом до 2006 года. Тем не менее уровень душевого национального дохода в 2006 году оказался ниже уровня 1989 года [2 с. 38].

Большой интерес вызывает расчет экономических и демографических последствий четырех кризисов российской экономики XX века, рассмотренных авторами [2, с. 104]. Количественные размеры этих кризисов ав-

торы оценивают по следующим показателям: совокупному падению национального дохода и личного потребления на душу населения, избыточной смертности относительно численности населения (млн человек и в процентах). Годами экономических кризисов приняты: 1913–1921 годы (Первая мировая и Гражданская войны), 1930–1932 годы (Великий перелом), 1937–1945 годы (Великий террор и Вторая мировая война), 1990–1994 годы (постсоветский период); демографических кризисов: 1914–1923 годы, 1932–1934 годы, 1937–1947 годы, 1991–1998 годы. Национальный доход и личное потребление населения упали в первый кризис на 62 и 56 % соответственно, во второй – на 1 и 14 %, в третий на – 21 и 44 %, в четвертый – на 38 и 38 %. Избыточная смертность к доле населения для первого периода составила 13 млн человек (8,6 % населения), второго – 6 млн (3,8 %), третьего – 28,6 млн (15,1 %), четвертого – 0,1–3,8 млн. Размер понесенных экономических и демографических потерь населения России и бывшего СССР ужасает.

По необъясненной причине для экономических показателей окончанием четвертого кризиса назван 1994 год, хотя по приводимым ими данным Мэддисона нижней точкой кризиса был 1997 год.

Избыточную смертность в четвертом периоде авторы определяют в виде интервала. Нижней его границей являются насильственные потери в ходе региональных конфликтов, верхняя определяется прибавлением к ним избыточных смертей, вызванных трудностями переходного периода. Обе оценки принадлежат Майклу Элману [2, с. 39]. Цифры верхней границы мне представляются единственно правильными.

Я думаю, что оценка демографических потерь только через показатель избыточной смертности недостаточна. Следовало бы учесть и сокращение рождаемости, иными словами, считать по естественному приросту населения и его отклонению от его уровня в предшествующий кризису период. Тогда размер демографических потерь во все периоды был бы значительно большим.

Литература

1. *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): новые подсчеты и оценки / пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2003. – 256 с.
2. *Маркевич А., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. / авториз. пер. с англ. Е. Артемовой. – М.: Мысль, 2013. – 111 с.
3. Народное хозяйство СССР в 1967 году: статистический ежегодник / ЦСУ при Совете Министров СССР. – М.: Статистика, 1968. – 1009 с.
4. *Прокорович С.Н.* Идея планирования и итоги пятилетки. – Париж, 1934. – 122 с.

5. Транспорт и связь СССР: статистический сборник / ЦСУ при Совете Министров СССР. – М.: Статистика, 1972. – 321 с.
6. Ханин Г.И. Почему и когда погиб нэп? // Эко. – 1989. – № 10. – С. 66–83.
7. Gatrell P. Poor Russia, Poor Show: Mobilising a Backward Economy for war, 1913–1917 // The Economics of World War 1 / ed. by S. Broadberry and M. Harrison. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 235–275.
8. Gregory P.R. Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – 196 p.
9. Moorsteen P., Powell R.P. The Soviet Capital Stock, 1928–1962. – The Economic Growth Center Yale University, 1966. – 671 p.

Статья поступила в редакцию 24.12.2022.

Статья прошла рецензирование 11.01.2023.

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.2-247-260

IMPORTANT CONTRIBUTION TO THE COVERAGE OF NATIONAL INCOME STATISTICS AND THE ECONOMIC HISTORY OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA AND THE USSR

Khanin, Grigory,*Dr. of Sc. (Economics), Professor,**Professor of the Siberian Institute of Management –**the Branch of the Russian Presidential Academy**of National Economy and Public Administration,**6 Nizhgorodskaya Street, Novosibirsk, 630102, Russian Federation*

Author ID (RSCI): 143335

SPIN (RSCI): 6196-5996

Khaning@yandex.ru

Abstract

The author of this paper analyses the book by A. Markevich and M. Harrison, “Great War, Civil War, and Recovery: Russia’s National Income, 1913 to 1928”. He highlights the fact that the authors’ (*A. Markevich and M. Harrison*) calculations introduced in this article significantly expand and clarify the economic situation in Russia and the USSR in 1913–1928 from an economics point of view. For the first time, M. Harrison and A. Markevich evaluate the dynamics of national income and production of individual economic sectors, including the service industry, and compare the economies of Russia and the USSR with other countries in the same period.

The calculations show a more successful development of the economy of Russia than other warring countries during the First World War. In addition, the article analyzes the decline in Russia’s share in the world economy in 1928 compared to 1913. Thereby, the authors make a reasonable conclusion about the decrease in the efficiency of the USSR economy in 1928 compared to the pre-revolutionary period. Estimates of the national income, the personal consumption fund, and the population allowed evaluating the entire economic development of pre-revolutionary Russia, the USSR, and post-Soviet Russia. Finally, the authors reveal the consequences of the economic crises of the 20th century in Russia.

Drawing on personal and other researchers’ calculations, the authors criticize the opinion about the national income growth in 1928 in comparison with 1913 as exaggerated. Its significant drop during the civil war was caused by war communism as well as by the rupture of economic ties.

Keywords: economy of pre-revolutionary Russia; economy of the USSR; economy of post-Soviet Russia; assessment of the annual dynamics of the national income of Russia and the USSR in 1913–1928.

Bibliographic description for citation:

Khanin G. Important Contribution to the Coverage of National Income Statistics and the Economic History of Pre-Revolutionary Russia and the USSR. *Ideji i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 2, pt. 2, pp. 247–260. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.2-247-260.

References

1. Gregory P. *Ekonomicheskiĭ rost Rossiĭskoi imperii (konets XIX – nachalo XX v.): novye podschety i otsenki* [Economic Growth of Russian Empire (end of XIX – beginning of XX century): New Estimates and Calculations]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 256 p. (In Russian).
2. Markevich A., Harrison M. *Pervaya mirovaya voĭna, grazhdanskaya voĭna i vosstanovlenie: natsional'nyi dokhod Rossii v 1913–1928 gg.* [Great War, Civil War, and Recovery: Russia's National Income, 1913 to 1928]. Moscow, Mysl' Publ., 2013. 111 p. (In Russian).
3. *Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1967 godu* [People's Economy of the USSR in 1967]. Statistical Collection. Moscow, Statistika Publ., 1968. 1009 p.
4. Prokopovich S.N. *Ideya planirovaniya i itogi pyatiletki* [The idea of planning and the results of the first five-year plan]. Paris, 1934. 122 p. (In Russian).
5. *Transport i svyaz' SSSR* [Transport and Communications in the USSR]. Statistical Collection. Moscow, Statistika Publ., 1972. 321 p.
6. Khanin G.I. Pochemu i kogda pogib nep? [Why and when did the New Economic Policy die?]. *EKO = ECO*, 1989, no. 10, pp. 66–83.
7. Gatrell P. Poor Russia, Poor Show: Mobilising a Backward Economy for war, 1913–1917. *The Economics of World War 1*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, pp. 235–275.
8. Gregory P. *Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year*. Princeton, Princeton University Press, 1994. 196 p.
9. Moorsteen P., Powell R.P. *The Soviet Capital Stock, 1928–1962*. The Economic Growth Center Yale University, 1966. 671 p.

The article was received on 24.12.2022.

The article was reviewed on 11.01.2023.